

Холодное лето 1943-го: побеги советских военно- пленных из офицерского лагеря XIII D

ОЛЕГ
БЭЙДА,
ИГОРЬ
ПЕТРОВ

30 мая 1943 года неподалеку от деревни Бабиничи, что в 35 километрах к юго-западу от Полоцка, к командиру партизанского отряда имени Ф.Э. Дзержинского бригады имени С.М. Короткина привели на допрос двух офицеров: майоров Григория Агапова и Василия Никитина. Сам факт появления подобных визитеров вряд ли мог удивить партизан. После Сталинграда задействованные в антипартизанских операциях туземные немецкие части – так называемые «восточные батальоны», сформированные по большей части из бывших советских военнопленных, – становились все менее надежными. Соответственно, количество перебежчиков в списанной униформе, покидавших подобные воинские формирования, постоянно росло. Среди них нередко оказывались и старшие офицеры.

Но на этот раз два майора, представшие перед партизанским вожакom, всячески отрицали свою причастность к немецкой службе. Напротив, они, по их словам, были честными советскими горемыками-военнопленными, трудившимися в одной из рабочих команд и сбежавшими из своего лагеря. Партизан, однако, сильно смущало, то, что узилище беглецов, лагерь Хаммельбург, находилось в Северной Баварии, а до Белоруссии, как они утверждали, им удалось добраться на товарном поезде.

Перед нами лишь одна из десятков потрясающих, а подчас и попросту фантастических историй побегов советских военнопленных из офицерского лагеря (офлага) XIII D. В официальной советской историографии, разрабатывавшейся после войны, этим героическим людям места не нашлось. Даже недолгий период хрущевской оттепели не пролил света на их судьбы, хотя именно тогда рассказы об упорных и мужественных, бежавших из германской неволи, стали частью официального нарратива. Начало, стоит напомнить, было положено в 1957 году публикацией о побеге летчика Михаила Девятаева с товарищами с острова Узедом в феврале 1945 года¹.

Олег Игоревич Бэйда (р. 1990) – историк, преподаватель Университета Мельбурна (Австралия).

Игорь Романович Петров (р. 1969) – историк, независимый исследователь (Мюнхен, Германия).

1 Винецкий Я.Б. *Мужество* // Литературная газета. 1957. 26 марта. № 36. С. 2.

Те истории, о которых мы расскажем в настоящей статье, внимания не удостоились, несмотря на то, что сам Хаммельбург в советском историческом нарративе упоминался. В прошедших цензурную сортировку воспоминаниях о содержащихся в нем, а впоследствии героически принявших смерть генералах Григории Тхоре и Дмитриии Карбышеве речь шла только о *подготовке к побегу* (или побегам). Как правило, такого рода подпольная деятельность позднее раскрывалась и пресекалась лагерной администрацией, служа лишь поводом для арестов и наказаний². Тема сопротивления в лагерях военнопленных, равно как и участия беглецов оттуда в европейском сопротивлении продолжала разрабатываться и в конце 1960-х. Однако в классических монографиях Ефима Бродского и Михаила Семиряги лагерь Хаммельбург оставался вне основного фокуса повествования³.

А потому для начала расскажем о нем.

Илл. 1. Памятник узникам офицерского лагеря Хаммельбург, 2012 год. Источник: Wikimedia Commons.

- 2** См., например: *Воспоминания о генерал-майоре Г.И. Тхоре* / Публ. А.С. Юркова // Исторический архив. 1960. № 4. С. 178–188; Ужинский А.К. «Тайна» советского бетона // *Солдат, герой, ученый. Воспоминания о Д.М. Карбышеве*. М.: Воениздат, 1961. С. 161–168. Дополнительно стоит обратить внимание на недвусмысленное заявление, которое в мае 1964 года сделал председатель КГБ при Совете Министров СССР Владимир Семичастный: «В последнее время в печати, по радио и телевидению часто стали публиковаться материалы, рассказывающие о патриотической деятельности и героизме в период Великой Отечественной войны советских граждан, оказавшихся в то время по различным причинам за границей. При этом авторы таких публикаций [...] в ряде случаев, используя непроверенные материалы, воспевают их героизм, хотя заслуг перед Родиной они не имеют, ничего героического не совершили» (Российский государственный архив новейшей истории. Ф. 5. Оп. 55. Д. 239. Л. 70–72; цит. по: <https://alexanderyakovlev.org/almanah/inside/almanah-doc/1027026> (*курсив наш*)). Подобные инвективы не способствовали исторической проработке темы, так как при наличии весьма скудной документальной базы, основанной по большей части на источниках мемуарного характера, любого энтузиаста можно было обвинить в «неправильном освещении» или «кнепозволительной вольности».
- 3** См.: Бродский Е.А. *Во имя победы над фашизмом: антифашистская борьба советских людей в гитлеровской Германии (1941–1945 гг.)*. М.: Наука, 1970; Семиряга М.И. *Советские люди в европейском сопротивлении*. М.: Наука, 1970. В книге Бродского основное внимание уделяется Братскому союзу военнопленных,

ХАММЕЛЬБУРГ: ЛАГЕРЬ-СИТО

ОЛЕГ БЭЙДА,
ИГОРЬ ПЕТРОВ

ХОЛОДНОЕ ЛЕТО 1943-го...

По стечению обстоятельств офицерский лагерь 62 (XIII D), располагавшийся в нижнефранконском городке Хаммельбург, оказался в начале войны единственным, предназначенным для советского командного состава⁴. Правило это соблюдалось не слишком строго, то есть красные командиры попадали и в другие лагеря, однако именно в Хаммельбурге концентрировалась основная часть подобных пленных, включая старших офицеров и генералов.

С 19 июля по 3 августа 1941 года в лагерь тремя партиями были доставлены первые обитатели: около 4750 человек, попавших в плен по большей части в приграничных сражениях в Белоруссии и прибалтийских республиках. До марта 1942 года дальнейший приток пленных оставался незначительным, чего нельзя сказать об их убыли: уже в первые полгода существования лагеря в нем лишились жизни нескольких сотен человек. Виной тому были и недостаточное питание, и скверные условия содержания, и эпидемия тифа. Параллельно с этим в соответствии с инструкциями, подписанными лично главой РСХА Рейнхардом Гейдрихом, началась процедура «отбраковки» (*Aussonderung*) пленных, не отвечавших расовым и идеологическим критериям. Для проведения процедуры в лагерь прибыла специальная полицейская айнзацкоманда, занявшаяся допросами пленных⁵. Немцы никогда бы не смогли построить своей империи без стороннего пособничества тех, кого они покоряли. Вот и тут существенную помощь немецкой команде оказали добровольцы из числа самих пленных. Вскоре после начала процедуры «отбраковки» эти помощники, объединившиеся вокруг бывшего следователя военной прокуратуры 100-й стрелковой дивизии Семена Мальцева, образовали марионеточную Русскую трудовую народную партию (РТНП).

В то время, как пленных терзали вши и голодный понос, члены мальцевской группы оттачивали политическую бдительность и крепили партийные узы. Словно по известным лекалам, у РТНП появились свой ЦК, президиум ЦК, множество отделов, рукописная газета «Пути Родины» и даже официальное приветствие: «Слава России!» и отзыв «Слава сотруднику!». Идейной закладкой способствовало то, что для членов РТНП лагерной администрацией был установлен усиленный паек: так,

созданному в другом баварском офлаге (VII A). Это понятно, поскольку с идеологической точки зрения советским авторам было важно увязывать побег военнопленных с действующим подпольем; однако в подавляющем большинстве случаев такая связь не прослеживается.

⁴ Отто Р., Келлер Р. *Советские военнопленные в системе концлагерей Германии* / Под науч. ред. Е.Л. Киселевой. М.: Аспект Пресс, 2020. С. 35.

⁵ Подробнее об этом см.: HAMMERMANN G., RIELDE A. (Hrsg.). *Der Massenmord an den sowjetischen Kriegsgefangenen auf dem SS-Schießplatz Hebertshausen 1941–1942*. Göttingen: Wallstein Verlag, 2020.

ценным сотрудникам президиума ЦК в день полагалось ведро супа – немцы выдавали питание именно в такой таре⁶.

Совместные усилия немецких ищущих и мальцевских согластеев позволили выявить из массы пленных как минимум 79 евреев и 181 политрука. Другие категории, подлежавшие обрекающей на уничтожение «отбраковке», определялись более размыто: в их ряду оказывались «фанатичные коммунисты», «смутьяны и подстрекатели», «интеллигенты». Такая туманность упрощала сведение личных счетов между пленными, а главное – позволяла получать больше пайков, выдаваемых за донос. Всего до мая 1942 года были «отбракованы» более 750 офицеров⁷, которых вывезли в Дахау и расстреляли на полигоне Хебертсхаузен. Лишь незначительной части повезло: они избежали расстрела и были отправлены в концлагерь Матухаузен⁸.

С марта 1942 года лагерь стал быстро пополняться. Параллельно среди офицеров развернулась вербовка желающих сотрудничать с немцами. Набранные под рассказы о грядущей гибели большевизма (плюс новое обмундирование и достаточная кормежка) завербованные разъезжались по всем краям германской империи: в лагерь пропагандистов Вульхайде и Вустрау под Берлином; в разведшколы абвера; в учебки полка «Бранденбург», где их готовили для проведения разведывательно-диверсионных операций в советском тылу; в организуемые для защиты уже немецкого тыла антипартизанские формирования и даже в спецкоманду «Организации Тодт»⁹. Впрочем, общее число завербованных вряд ли превысило одну тысячу человек.

Оставшиеся в Хаммельбурге и не пошедшие к немцам офицеры тоже получили наряды и направления. Уже с декабря 1941 года их привлекали к труду во внешних рабочих командах – на заводах, фабриках, строительстве, прокладке дорог, расчистке территории. Количество таких рабочих команд быстро росло: в 1944-м их общее число было уже трехзначным, причем они располагались не только в Северной Баварии, но и на прилегающей к ней территории чешского Протектората. К концу войны лагерь зачастую выполнял лишь роль перева-

6 Подробнее об этой организации см.: BEYDA O., PETROV I. *The Soviet Union // STANEL D. (Ed.). Joining Hitler's Crusade: European Nations and the Invasion of the Soviet Union, 1941.* Cambridge: Cambridge University Press, 2017. P. 385–389.

7 Такова наша консервативная оценка, сделанная на основе анализа доступных карт военнопленных. Всего на полигоне Хебертсхаузен были расстреляны более четырех тысяч советских военнопленных. См.: HAMMERMAN G., RIELDE A. (Hrsg.). *Op. cit.*

8 См. воспоминания выжившего: ТЕМКИН М.В. *Воспоминания узника нацистских концлагерей.* [Б.м.]: Военная литература, 2013 (https://militera.lib.ru/memo/russian/tyomkin_mv01/index.html).

9 Структура, функционировавшая при торфозаводе «Белое Болото» под Борисовом, призванная дать пример «правильного» использования военнопленных. Подробнее об этом см.: ПЕТРОВ И. *От звезды к свастике: история Карла Лева-Альбрехта // Неприкосновенный запас.* 2017. № 6(116). С. 235–238.

лочной станции, распределявшей военнопленных между рабочими командами. Такая распыленность, а также то, что с лета 1942 года военнопленные постоянно перемещались между различными лагерями в системе XIII военного округа (то есть из XIII D в XIII A, XIII B и XIII C), позволяет лишь грубо оценить общую численность военнопленных офицеров. По-видимому, на начало 1943 года она составляла от 15 до 20 тысяч человек в округе¹⁰.

ОЛЕГ БЭЙДА,
ИГОРЬ ПЕТРОВ

ХОЛОДНОЕ ЛЕТО 1943-го...

ЦИФРЫ, РАССТОЯНИЯ И СУХАРИ

Лагерь Хаммельбург неплохо охранялся, а скудный паек не позволял набраться сил, так что о побеге оставалось только мечтать. Ситуация изменилась с учреждением рабочих команд и некоторым улучшением питания. Первый побег хаммельбуржцев – четверо офицеров бежали из барака рабочей команды 10025 в городке Вайден – попал на страницы специального выпуска бюллетеня немецкой криминальной полиции в середине июня 1942 года¹¹. Однако в ходе сплошного просмотра сохранившихся персональных карт военнопленных нам удалось найти и более ранние побеги. В ночь на 17 мая 1942 года старший лейтенант Степан Ощепков и лейтенант Павел Арбузов бежали из рабочей команды 15 в деревне Котмайслинг, неподалеку от чешской границы. К тому моменту, когда месяц спустя они были пойманы в окрестностях Брно, им удалось преодолеть пешком около 320 километров. Немцы дополнили их карточки и другими прегрешениями: среди них нелегальный переход границы, обмен формы на гражданскую одежду, попрошайничество. Оба получили по 21 дню карцера¹².

Летом–осенью 1942 года побеги участились, зимой по понятным причинам сократились, а весной–летом 1943-го стали чуть ли не обыденным явлением.

10 Статистика по военнопленным, сохранившаяся в Федеральном архиве во Фрайбурге (Bundesarchiv Freiburg. RW 6/450–453), дает лишь общее число пленных советских офицеров на территории рейха – на 1 января 1943 года оно составляло 33 195 человек (RW 6/454. Bl. 34) – и общее число советских военнопленных, как офицеров, так и солдат, в XIII округе – на 1 января 1943 года 42 639 человек (RW 6/451 Bl. 8).

11 Deutsches Kriminalpolizeiblatt (Sonderausgabe). 1942. 13 Juni. № 4302a. S. 1.

12 См. персональные карты Павла Арбузова (№ 2756) и Степана Ощепкова (№ 3974) в картотеке военнопленных офицеров Центрального архива Министерства обороны Российской Федерации (ЦАМО РФ) (здесь и далее – по базе данных портала «Память народа»). Укажем для полноты картины и более ранние победы: еще 19 сентября 1941 года из лагеря Хаммельбург пытался бежать младший лейтенант Иван Терещенко (№ 1166), а 13 мая 1942 года из рабочей команды 21 (Нюрнберг) бежали лейтенанты Александр Оспенников (№ 5705), Василий Губанов (№ 6171) и младший лейтенант Сергей Агеев (№ 6178). Все они были пойманы и казнены. Есть косвенные свидетельства, касающиеся других более ранних побегов. Так, капитан Константин Витковский на допросе утверждал: «25 декабря 1941 года я совершил побег из лагеря с целью пробраться в Советский Союз. Но я был пойман и водворен в тот же лагерь» (Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 10035. Оп. 1. Д. 25831. Л. 26). У нас не имеется независимого подтверждения этого рассказа. Авторы благодарят Павла Трибунского за возможность ознакомиться с источником.

ОЛЕГ БЭЙДА,
ИГОРЬ ПЕТРОВ

ХОЛОДНОЕ ЛЕТО 1943-го...

Побеги, совершенные советскими офицерами из лагерей XIII округа весной–осенью 1943 года¹³.

Месяц	Побегов	Бежавших	Поймано	Пропало без вести	Удачных побегов
Март	19	68	55	8	5
Апрель	11	33	28	3	2
Май	25	76	67	3	6
Июнь	15	71	63	6	2
Июль	28	79	68	10	1
Август	39	104	87	9	8
Сентябрь	31	95	89	6	
Октябрь	16	33	32	1	
Всего	184	559	489	46	24

В полицейских сводках и в персональных картах обычно указывались день и место поимки военнопленного, что позволяет определить среднюю скорость его передвижения. Как правило, она не превышала десяти–пятнадцати километров в день – точнее, в ночь, так как чаще всего беглецы шли по ночам, а днем отдыхали. Лишь в редких случаях скорость оказывалась существенно больше, когда, по-видимому, использовались попутные транспортные средства, чаще всего товарные поезда.

Поимка нередко становилась лишь прелюдией к следующей попытке. В сентябре 1943 года из штрафной команды 10001 под городком Фихтах бежали шесть «рецидивистов», сосланных в каменоломни за предыдущий побег. Большинство было поймано на территории чешского Протектората, двоим удалось добраться до польской территории; в итоге все были отправлены в концлагерь. Согласно персональной карте лейтенанта Григория Кожанова, он совершил четыре побега: во время первого он был пойман сразу, второй продолжался две недели, третий – неделю, при попытке четвертого в ноябре 1943 года Кожанов был застрелен.

С географической точки зрения Северная Бавария оказывалась крайне неудобной для побега территорией: из стран, нейтральных или враждебных по отношению к Германии, ближайшей была Швейцария, до которой нужно было преодолеть на юг более трехсот километров. В теории же именно альпийская конфедерация представлялась идеальной целью побега. Лейтенант Сергей Сверчков вспоминал:

- 13** Таблица составлена авторами на основе анализа полицейских бюллетеней и сплошного просмотра персональных карт военнопленных. Приведенные цифры следует трактовать как минимальные: не все карты военнопленных сохранились, и не все побеги попадали в полицейские бюллетени. Реальное число побегов было как минимум на несколько десятков больше. Удачными побегами нами сочтены лишь те, об исходе которых мы знаем наверняка. Некоторые бежавшие вполне могли добраться до партизанских отрядов в Чехии, Польше или Словакии, но впоследствии погибнуть в боях; сведения об этом могли либо не сохраниться, либо не ассоциироваться с личностями бежавших узников.

«Мы решили, что находимся где-то около швейцарской границы, и группа в шесть человек, с которой я вместе работал, сговорилась бежать. [...] Побег мы решили устроить поздно вечером, чтобы иметь время до утра, за которое мы сможем много пройти, а быть может, и достичь уже желанной швейцарской границы. Нам удалось спрятать одну лопату и кирку, и каждый вечер, когда все ложились спать, мы по два человека делали подкоп под проволоку в том углу лагеря, где дальше всего было от вышки часового и где кончались наши бараки. Когда больше половины работы было окончено, начались сильные дожди и наш подкоп размыло. [...] Мы были удручены, но впоследствии я узнал, что [...] если бы мы совершили побег, то до швейцарской границы нам пришлось бы пройти несколько сот километров и, конечно, мы были бы пойманы»¹⁴.

ОЛЕГ БЭЙДА,
ИГОРЬ ПЕТРОВ

ХОЛОДНОЕ ЛЕТО 1943-го...

Предположение Сверчкова находит подтверждение в сухих строках полицейских отчетов. Той незначительной части беглецов, что направлялась не на восток, а на юг, удавалось пробывать на свободе лишь семь–десять дней; их ловили, как правило, когда до спасительной швейцарской границы оставалась еще пара сотен километров. Сказывались открытость местности и враждебность населения. В одном из мемуаров воспроизведена апокрифическая рекомендация генерала Карбышева:

«Через меня Карбышев получил записку с подробнейшим планом побега из IV-го блока группы военнопленных. [...] В плане предлагалось два варианта: швейцарский и германский, через Польшу.

Карбышев отверг их оба.

– Швейцария нейтральная только на бумаге, – сказал генерал, – хозяева там немцы, и беглецов сразу им выдадут. Двигаться же через густонаселенную Германию лишено всякого смысла.

Карбышев лично разработал и предложил другой план: выходить через безлюдный горный Тироль в Карпаты. Там живут славяне, они окажут поддержку»¹⁵.

Этот географически весьма экстравагантный план, сближающий Тироль с Карпатами, является, по-видимому, искаженным отражением в памяти мемуариста реально существовавших проектов, разрабатываемых подпольной группой, которая сложилась вокруг генерала Тхора (и с которой контактировал Карбышев):

- 14** Hoover Institution Archives. Boris I. Nicolaevsky Collection. Box 258. Folder 19. «1941–42 г. Плен». Речь идет о ранней осени 1941 года. Вскоре после этого Сверчков стал одним из руководителей упомянутой выше РТНП, а впоследствии работал на немецкой русскоязычной радиостанции, участвовал во власовском движении, после войны остался на Западе и до своей смерти в 1955 году был диктором радио «Освобождение».
- 15** Воронец И.И. *Притяжение памяти: документально-художественная повесть*. Фрунзе: Кыргызстан, 1985. С. 118.

«Было решено бежать из плена несколькими группами по три–четыре человека и в разных направлениях. Каждая группа разработала подробный план побега. [...] Тхор решил бежать в Чехословакию, а там перевалить Карпаты, где, по нашим сведениям, были партизаны; генерал Михайлов в Югославию и так далее».

Однако подпольщики были раскрыты и арестованы раньше, чем состоялись побеги¹⁶. На практике нам известен лишь один случай сравнительно длительного побега в юго-восточном направлении. Бежавшие 8 февраля 1943 года из Фойхта под Нюрнбергом батальонный комиссар Александр Грязнов (для него это был уже второй побег) и старший политрук Виктор Миронов были пойманы через семнадцать дней в окрестностях австрийского Граца (они преодолели около 380 километров). Грязнов был смертельно ранен при задержании, а Миронов отправлен в концлагерь Маутхаузен¹⁷. Отметим, что маршрут на северо-восток, то есть в Польшу, вовсе не обязательно должен был пролегать через Германию: беглецы уходили на восток в чешский Протекторат и уже оттуда добирались до территории польского генерал-губернаторства. Этот путь использовался чуть реже, чем маршрут на восток, но, как мы позже увидим, в нескольких случаях он привел беглецов к успеху.

Первым, наиболее важным условием для побега было состояние здоровья. Чудом пережившие голодную зиму и вспышку тифа военнопленные были крайне истощены и ослаблены. Смертность с весны 1942 года медленно пошла на убыль, но все же военнопленные продолжали умирать десятками, в том числе и новоприбывшие. Лейтенант Петр Новгородов вспоминал, как 1 мая 1942 года оказался в тифозной палате с температурой 39–40:

«В течение восьми–девяти дней аппетита не было. Но, видя, как каждый день выносят из палаты десятки трупов, невольно возникало в сознании: “Я должен жить, я должен выжить!”». Помог земляк-санитар, приносивший, когда кризис миновал и аппетит вернулся, дополнительную порцию хлеба и бруквенной баланды»¹⁸.

Повезло и лейтенанту Василию Абадашу (зарегистрированному в плену под фамилией Сабадаш). Он попал в сербский госпиталь при лагере, где его выходили те самые славяне, на

16 *Воспоминания о генерал-майоре Г.И. Тхоре*. С. 185. Согласно послевоенному свидетельству капитана Александра Поносова, существовала и третья группа под его началом, которая должна была продвигаться в сторону Швейцарии. См.: KALTENBRUNNER M. *Der Karabiner von Stalin: Ein sowjetisches Leben zwischen Bürgerkrieg, Konzentrationslager und Gulag*. Frankfurt; New York: Campus Verlag, 2023. S. 192–193.

17 *Наградной лист В.А. Миронова*. ЦАМО РФ. Ф. 33. О. 737292с. Д. 131. Л. 177–178.

18 Материалы, касающиеся побегов лейтенанта Новгородова, здесь и далее цит. по: Новгородов П.Л. *На память послевоенному поколению от лейтенанта пограничных войск (в отставке)*. Тавда: Раритет, 2023. С. 9–22. Авторы благодарят Анатолия Воронина за возможность ознакомиться с источником.

которых надеялся Карбышев, – сербские врачи. Через тридцать лет после войны Абадаш даже пытался их разыскать, посылая запросы в западногерманский Красный Крест¹⁹.

ОЛЕГ БЭЙДА,
ИГОРЬ ПЕТРОВ

ХОЛОДНОЕ ЛЕТО 1943-го...

DEUTSCHES + ROTES KREUZ
IN DER BUNDESREPUBLIK DEUTSCHLAND
SUCHDIENST HAMBURG

An den
Internationalen Suchdienst
3548 A r o l s e n /Waldeck

2 HAMBURG 53 - OSDORF, DEN 1.6.72
BLOMKAMP 51
FERNRUF: SAMMEL-NR. 80 10 31 - FERNSCHREIBER 211387
DRAHTANSCHRIFT: SUCHDIENST HAMBURG

Az.: I - A - 2 b /Pz

Bei Beantwortung bitte Az. angeben!

Betr.: A b a d a s c h /Ssabadasch, Wassilij, Vater: Ssemen,
geb.: 1919 in Pawlodarskaja Obl.,

Vom Sowjetische Rotes Kreuz erhielten wir ein Schreiben vom
24.3.1972-Nr.150 771/ 14, dessen Inhalt wie folgt lautet:

" An uns wandte sich A b a d a s c h, Wassilij, Vater: Ssemen,
geb.: 1919 in Pawlodarskaja Obl., mit der Bitte, ihm bei der
Beschaffung einer Bescheinigung behilflich zu sein, die
bestätigt, daß er sich während seiner Gefangenschaft in einem
Hospital befand.

Im Jahre 1941 wurde ABADASCH W.S. nach schwerer Kontusion
gefangengenommen und ins Oflag 13-D/möglich-B/ Hammelburg
gebracht, wo er unter dem Namen SSABADASCH registriert war.
Später wurde Oflag 13-D/B/ nach Nürnberg überführt.
Da sich seine Gesundheit zu verschlechtern begann, verlegten
ihn die Ärzte in das Serbische Hospital beim Lager, wo ihn
serbische Ärzte behandelten.

*Илл. 2. Фрагмент за-
проса Василия Абадаша
в Красный Крест о своем
пребывании в Хаммель-
бурге. 1970-е. Источник:
Arolsen Archives.*

Побегу, как правило, предшествовала тщательная подготов-
ка. Лейтенант Сверчков вспоминал, что он и его товарищи, не-
смотря на крайнюю скудость пайка, откладывали сухари. Майор
Агапов рассказывал:

«Все необходимое готовилось за время зимы [1942–1943 годов] –
карта, компас, сухари, немолотая пшеница, два немецких рабочих
костюма и ряд других необходимых предметов...

ВОПРОС: Где вы добыли себе пшеницы около семи–восьми кило-
грамм?

ОТВЕТ: Рядом с санным складом были продсклады, и товарищи, ко-
торые там работали, по просьбе приносили нам в перерывах на
обед, и мы там же прятали.

ВОПРОС: Вы говорили, что на складе [...] производились тщатель-
ные обыски. Как они смогли пронести зерно?

ОТВЕТ: Да, немцы обыскивали, но мы ухитрялись. Насыпали зерно
в голенище сапог и так пронесли.

ВОПРОС: Когда накопилось у вас такое количество зерна, как по-
том они не обнаружили?

¹⁹ International Tracing Service (ITS) Digital Archive. Bad Arolsen. DocID: 83085006.

ОТВЕТ: Обнаружить они не смогли, так как пшеницу мы прятали глубоко в солому там же на складе. Обнаружить можно было только тогда, если выгрузить всю солому из склада»²⁰.

Лейтенант Новгородов с товарищами через знакомого, работавшего в пищевом блоке, достал «кожаную обувь, продовольствие, по паре чистого белья, компас и ножницы; все это было зарыто в каменном угле около кочегарки». Подпольная группа Тхора выменивала продукты у немецких солдат – на шахматы, домино, шкатулки, мундштуки, ножи для бумаги, изготавливавшиеся членами группы в лагерной мастерской. Иные подпольщики снимали по ночам копии с топографических карт и изготавливали компасы для каждого участника побега. Изучалось расписание смен часовых²¹.

Но, так как большинство групп беглецов были изолированными, а решения о побеге принимались порой спонтанно, нередко случалось и так, что у бежавших офицеров не было ни карт, ни гражданской одежды, ни запаса продуктов, а роль компаса играл намагниченный кусок проволоки.

СХРОН – КУСАЧКИ – ТОВАРНЯК: СЛУЧАИ И ОБСТОЯТЕЛЬСТВА

Лейтенант Новгородов бежал из плена три раза. Первый раз – в августе 1942 года с нюрнбергского завода, спрятавшись на территории после завершения работы. Второй раз – в мае 1943 года похожим образом, укрывшись в сарае вне лагеря. Днем, зайдя в сарай, он оторвал нижние доски задней стенки от гвоздей, но затем вернул их в прежнее положение. Вечером товарищи по рабочей команде загородили вид на сарай от часового, а Новгородов отодвинул доски и спрятался внутри. Третий раз, в октябре 1943 года, оказавшись в штрафной команде в Амберге, Новгородов увидел, что в туалете есть открывающееся наружу окно, затянутое колючей проволокой. Он запрыгнул на одну из перегородок, кусачками перекусил проволоку, вылез на крышу, дождался товарищей (план был обговорен заранее) и вместе с ними перепрыгнул с крыши туалета через забор за территорию лагеря. Лейтенант Дмитрий Василенко тоже бежал трижды: первый раз из рабочей команды, занимавшейся строительством дороги; второй раз из лагеря «в заранее продуманное и подготовленное место в проволоке»; третий раз «во время выхода

20 Материалы, касающиеся побега майоров Агапова и Никитина, здесь и далее цит. по: Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 69. Оп. 1. Д. 751. Л. 236–273. Цитата: *Протокол допроса гр-на Агапова от 31 мая 1943 г.* Там же.

21 *Воспоминания о генерал-майоре Г.И. Тхоре.* С. 185; KALTENBRUNNER M. *Op. cit.* S. 192.

из ворот [по пути на завод] и поворота на дорогу мы побежали в лес, находившийся у дороги»²². Из штрафного лагеря в Вайдене были совершены два побега: один при выводе на работу, второй через канализационную трубу²³. Обстоятельства многих других побегов не слишком разнятся: «[пленные] обзавелись кусачками и, выставив в бараке окно, прорезав в проволоке лаз, бежали»; «в ночь в бараке была прорезана стена, порвана проволока»; «оставшись после работы на заводе и дождавшись до десяти часов вечера, мы вдвоем выбрались из завода»²⁴.

Схожим образом начался и побег майоров Агапова и Никитина, но у них был другой план:

«19 мая после поверки решили бежать. Гуляя за проволокой, отделившись от других, мы по очереди пробрались на склады сена здесь же во дворе, а после поверки – во двор. [...] Дождавшись темноты, вышли на близлежащую окраину города, добрались до складов, где работали, взяв, что было приготовлено, спрятались в соломе, этим самым мы отвлекали поиски нас, а накануне побега мы знали, что будут грузить сено. На второй день побега сено было погружено, мы сели в вагон с сеном и на пятые сутки эшелон пошел. До отхода проходившие наши рабочие вели разговор, что эшелон идет в Смоленск».

Товарный вагон пришел на помощь и лейтенанту Новгородову во время его третьего побега:

«С вокзала, который находился западнее, набирал скорость товарный эшелон в сторону востока. Когда эшелон поравнялся с нами, я ребятам скомандовал: “Прицепляйся, кто как может!”. И мы с этим эшелоном оторвались от города [Амберга]. Но вагоны были крытые, можно было ехать только в тамбуре, между вагонами. В восемь часов утра туман рассеялся, стало светло. Мы посмотрели по карте, скоро должны прибыть в промышленный город Хаш [Аш? – О.Б., И.П.]. Прибыть в таком обмундировании, как у нас, было нельзя. Мы приняли решение прыгнуть и уйти в лес».

Тем же способом воспользовался и лейтенант Абадаш, но в его случае поезд пошел не в том направлении, которое было нужно ему и его напарнику по побегу – лейтенанту Александру Елтанскому. Им пришлось выпрыгивать из вагона на полном ходу²⁵.

22 Материалы, касающиеся побега лейтенанта Василенко, здесь и далее цит. по его фильтрационному делу: Государственный архив Полтавской области (ГАПО). Ф. 9106. Оп. 1. Д. 13906 (материалы ГАПО оцифрованы в базе данных FamilySearch).

23 ГАПО. Ф. 9106. Оп. 2. Д. 4868.

24 Решетников В.В. *Что было – то было*. М.: Эксмо; Яуза, 2004. С. 259; ГАПО. Ф. 9106. Оп. 7. Д. 5072; Оп. 5. Д. 10319.

25 Материалы, касающиеся побега лейтенанта Абадаша, здесь и далее цит. по его письму от 19 июня 1944 года, хранящемуся в Федеральном архиве Швейцарии (Schweizerisches Bundesarchiv. E4320B#1975/40#758*), а также по наградному листу, находящемуся в Центральном архиве Министерства обороны в Подольске (ЦАМО РФ. Ф. 33. О. 737292с Д. 163. Л. 54).

ОЛЕГ БЭЙДА,
ИГОРЬ ПЕТРОВ

ХОЛОДНОЕ ЛЕТО 1943-го...

ТЕ, КОМУ НЕ ПОВЕЗЛО

Отнюдь не всегда товарные поезда оказывались спасением для пленных. Во время своего первого побега лейтенант Василенко с товарищами после недели пути «сели на малой станции в товарный вагон с пустой тарой бочек». Однако вагон вскоре приехал в город Нюрнберг, где беглецов обнаружили железнодорожники. Действительно, наиболее сложным был первый отрезок пути, пролежавший через Германию. Расстояние от рабочих команд, размещенных на самом западе, до чешской границы составляло 150–200 километров, и в этом смысле бежать с территории Протектората или с самой границы было легче. Лейтенант Новгородов вспоминал:

«Пробыли в побеге четырнадцать дней. За это время мы сумели пройти значительное расстояние от города Нюрнберга на восток. Голод, незнание немецкого языка были главные враги нашего движения. Двигались ночами. 15 августа [1942 года] вечером мы решили зайти в населенный пункт и попросить что-нибудь поесть; хозяин, выслушав нас, вынес по куску хлеба. Не успели оторваться от населенного пункта и двух километров, как нас догнал отряд полиции, вооруженный автоматами. И слышим: “Хенде хох!”. Мы сначала хотели бежать, но бежать было некуда. Нас окружили, произвели обыск, надели наручники».

Местное население представляло фактор почти гарантированного риска. Как только поступал сигнал от немецких гражданских, полиция тотчас устраивала облавы, обычно с собаками. И здесь рассказы беглецов очень похожи:

«Группа охотников-немцев нас обнаружила, и при побеге меня ранило с дробовика в правую ногу».

«Шли мы вдоль реки Дуная. 10 мая [1943 года] в местечке [Оберштраублинг] во время облавы нас поймали».

«При отдыхе в одном из дачных домов, вероятно, по чьему-нибудь доносу я [...] был пойман немецкими солдатами».

«Ну, сколько мы там отбежали, слышим рокот мотоциклов, лай собак, [...] попали в руки полиции»²⁶.

Казалось бы, здесь мы имеем дело с объяснимой реакцией отравленных нацизмом немцев. Но что же «братья-славяне» на чешской или польской территории? Там, несмотря на большие лояльность и доброжелательность населения, беглецы тоже зачастую становились жертвами облав и попадали в немецкие силки. Во время своего второго побега лейтенант Новгородов

26 ГАПО. Ф. 9106. Оп. 1. Д. 13906; Оп. 5. Д. 10319; Оп. 3. Д. 1273; интервью Людмилы Кабановой с Аркадием Лукьяновичем от 15 сентября 2002 года, взятое для проекта «Майтхаузен» (<http://archive.tastorona.su/documents/5edaf9eb1a7c711e497c386ab125ab28#>).

добрался до Пльзена и обнаружил, что все выходы из города патрулируются отрядами полиции и жандармерии, с одним из которых он на третий день и столкнулся. Лейтенант Евгений Корнилич – чтобы скрыть свою службу в особом отделе, в плену он использовал фамилию Павлов – состоял в числе тех самых шести «рецидивистов», которые бежали в сентябре 1943 года из штрафной команды 10001. Через шесть дней пути они пересекли чешскую границу, затем еще за десять дней миновали Клатови и Пршибрам. Но, «не дойдя до Брно, [...] наткнулись на жандармский надзор [...] с собакой. [...] Арестовали нас и повели на деревню, однако по пути следования Коваленко сбегал, то есть сбросился куда-то в обрыв»²⁷.

Третий побег лейтенанта Новгородова продолжался 75 дней – точнее, ночей, так как передвигались беглецы в темное время суток:

«Прошли Германию, Чехию. [...] В Чехии народ нам помогал, как братьям, обеспечили нас одеждой, обувью, даже варежками. Обильно снабжали продовольствием. Нам один чех сказал, что вам, говорит, по Венгрии не пройти, вас венгры продадут, лучше возьмите курс на Польшу. [...] Вышли к реке Висле в районе местечка Сосновицы. Но форсировать Вислу не смогли, застал рассвет. Мы остановились на правом берегу, укрылись в кустарнике, с тем чтобы с наступлением темноты перебраться через Вислу и продолжить движение. Вечером, в шестнадцать часов, слышим лай собак, все ближе и ближе [...] Через некоторое время слышно стало немецкий разговор. Потом врываются в кустарник две огромные немецкие овчарки и начинают нас рвать. Вскоре появляется группа немцев в составе двадцати человек с автоматами и [с ними] один переводчик».

Там же в Польше был пойман и «рецидивист» Иван Коваленко, упоминавшийся Корниlichem. В целом же применительно лишь к короткому периоду, длившемуся с марта по октябрь 1943 года, нам известно более тридцати имен беглецов, чьи побег до момента их повторного пленения длились месяц и более, а пройденное расстояние превышало триста километров.

Пойманных военнопленных допрашивали, особо интересуясь причинами побега (ответы были достаточно шаблонны: плохое обращение, недостаточное питание, тяжелая работа), способом совершения побега, соучастниками по побегу, особенно если те еще оставались на свободе. «Рецидивисты», зная, что за повторный побег могут отправить в концлагерь, пытались запутать следователей. Например, они выдавали себя за других людей или – если к тому времени им посчастливилось разжиться гражданской одеждой – утверждали, что они остарбайтеры,

ОЛЕГ БЭЙДА,
ИГОРЬ ПЕТРОВ

ХОЛОДНОЕ ЛЕТО 1943-го...

27 Материалы, касающиеся побега Корнилича, здесь и далее цит. по его фильтрационному делу: ГАПО. Ф. 9106. Оп. 5. Д. 10319.

отставшие от поезда. Лейтенант Василенко пытался выдать себя за солдата, но был разоблачен «нетоварищем» – полицейским из бывших военнопленных, вспомнившим, что видел его в офицерском блоке. Лейтенант Иван Шкурапет, пойманный, подобно Корниличу, в районе Брно, назвался на допросе Иваном Федоренко. К сожалению, это не уберегло его от отправки в концлагерь, но в Аушвице он числился уже под новой фамилией²⁸.

Во второй половине 1942-го и в 1943 году наказания за побег в целом были мягче, чем до и после того. Если в 1941-м даже попытка побега или подготовка к нему влекли незамедлительное зачисление военнопленного в категорию смутьянов, подлежавших «отбраковке» (то есть отправке в могилу), то в следующие два года наказание обычно ограничивалось карцером, после чего беглецы порой даже возвращались в свою прежнюю рабочую команду. Майор Агапов приводит следующую градацию наказаний: «Первый побег – 7 суток, второй – 14 суток, третий – 21 сутки строгого ареста, если эти побег были без убийства стражи». Сплошной просмотр карточек военнопленных дает несколько иную картину: чаще всего беглецы получали десять, двенадцать или четырнадцать суток карцера, реже – пять или семь. Лейтенант Кожанов получил за первый побег пять суток карцера, за второй и третий – по 21. Однако нередко после поимки пленных отправляли в концлагерь. Такая судьба постигла лейтенантов Корнилича (после второго побега) и Новгородова (после третьего). Старших офицеров в основном отправляли в концлагерь после первого же побега.

Не стоит преуменьшать личного мужества беглецов в связи с несущественным смягчением наказаний в 1942–1943 годах. Бежать после 1941 года не стало «легче»; не «легче» было и наказание. На оголодавших людей охотились как на дичь. Для полиции они оставались «законной добычей» и могли быть убиты в любой момент. Вполне вероятно, что многие беглецы, официально «пропавшие без вести» и не отмеченные как пойманные в полицейских бюллетенях, были застрелены в ходе бегства и остаются неидентифицированными по сей день. Десятки персональных карточек несут на себе отметину судьбы хозяина: «расстрелян при попытке к бегству». Обращает на себя внимание и случай, когда беглец из рабочей команды был сначала в нее возвращен, а потом тут же расстрелян – по всей видимости, перед строем товарищей для острастки²⁹. В марте 1944 года с выходом так называемой «директивы “Пуля”» (*Kugel-Erlass*)³⁰,

28 ГАПО. Ф. 9106. Оп. 13. Д. 3297; ITS Digital Archive. Bad Arolsen. DocID: 5840778 (IWAN FEDORENKO).

29 Персональная карта С.Н. Кожемяко (№ 3898) в картотеке военнопленных офицеров ЦАМО РФ.

30 Название секретного приказа, подписанного шефом гестапо Генрихом Мюллером 2 марта 1944 года. Согласно этому документу, бежавшие или покушавшиеся на побег военнопленные-офицеры при поимке передавались службе безопасности (СД), которая должна была казнить их в концлагере Маутхаузен. – *Примеч. ред.*

которая фактически ввела для бежавших офицеров в качестве основного наказания смертную казнь, положение снова изменилось³¹. Примечательно, однако, что это не привело к заметному снижению числа побегов. Только в апреле и мае 1944 года из лагерей и рабочих команд XIII военного округа бежали более ста советских офицеров.

ОЛЕГ БЭЙДА,
ИГОРЬ ПЕТРОВ

ХОЛОДНОЕ ЛЕТО 1943-го...

ТЕ, КОМУ ПОВЕЗЛО

Сорвиголовы-лейтенанты Абадаш и Елтанский, бежавшие из лагеря в августе 1943 года и на полном ходу сиганувшие с поезда, решили продвигаться на юг. Впоследствии Абадаш вспоминал, что первые дни побега были особенно тяжелы: «Трое суток мы абсолютно ничего не кушали, а на четвертые сутки утащили кролика и сырого скушали». Согласно швейцарской регистрационной карточке, 5 октября они пересекли швейцарскую границу³².

3 мая 1943 года с фабрики Йозефа Грюнбергера в Вайдене бежал младший лейтенант Алексей Белозеров. Три месяца спустя, в начале августа, он, преодолев около восьмисот километров, присоединился в Польше к одному из батальонов партизанской бригады генерала Алексея Федорова³³. Еще раньше, 8 марта, из Амберга вместе с семьей товарищами бежал лейтенант Александр Андросов. Одного из них поймали через неделю, других – через несколько месяцев, уже на территории Польши. Андросову нечеловеческим усилием удалось добраться до окрестностей

31 Подробнее об этом см.: Отто Р., Келлер Р. Указ. соч. С. 205–235.

32 15 апреля 1945 года в «Известиях» была напечатана большая статья корреспондента ТАСС в Каире под заголовком «Бежавшие из фашистского плена советские офицеры о своем пребывании в Швейцарии». В ней со слов старшего лейтенанта Д.И. Маркелова швейцарские власти обвинялись в том, что выдавали советских военнопленных немецкой стороне. В швейцарских дипломатических документах сохранились противоречивые сведения по этому поводу. Так, реагируя на переданную из Швеции информацию, согласно которой советское правительство не желает возобновлять дипломатических отношений с Швейцарией из-за фактов выдачи бежавших советских военнопленных немцам, министр юстиции Эдуард фон Штейгер в письме от 5 февраля 1945 года сообщает, что, хотя секретный приказ о такой выдаче от 4 сентября 1941 года действительно существовал, с августа 1942 года он фактически не действовал и, более того, по нему не было выдано ни единого человека. Однако после приезда советской военной делегации один из подчиненных сообщил фон Штейгеру следующие данные по выданным Германии советским пленным: четверо – в 1942 году, восемь – в 1943-м, пятьдесят – в 1944-м, двенадцать – в 1945-м, то есть в общей сложности 74 человека. Следует заметить, что цифры выдачи по 1942 году представляются заведомо неполными, так как в мемуарных источниках именно этот год упоминается в качестве пика выдачи. Кроме того, действовал приказ стрелять без предупреждения по советским пленным, пытающимся пересечься на швейцарскую территорию. Тем не менее с 1942-го по 1944 год около тысячи советских пленных нашли убежище в Швейцарии. Ближе к концу войны их число кратно выросло, но тогда существенную часть вновь прибывших составили остарбайтеры и дезертиры из туземных формирований.

33 Информация о побеге и дальнейшей судьбе капитана Белозерова здесь и далее излагается по его рапорту от 16 октября 1946 года: Центральный государственный архив общественных объединений Украины (ЦГАООУ). Ф. 166. Оп. 1. Д. 13. Л. 18–19 об. (материалы ЦГАООУ оцифрованы на сайте «Бабий Яр» *babynyar.org*).

ОЛЕГ БЭЙДА,
ИГОРЬ ПЕТРОВ
ХОЛОДНОЕ ЛЕТО 1943-го...

Nom: <i>Абадаш</i>		Prénom:		Grade:	
RUSSIE					
A B A D A S C H		Wassilj		Lt.	
Arme: <i>Infanterie</i>		Classe:		No matr.:	
Rgt: <i>533</i>		Bat: } <i>2</i> Gr: }		Cp: } <i>5</i> Batfr: }	
né le: <i>25.12.19</i>		à <i>Irtischesk</i>		Dép. <i>Pawlodoskaja</i>	
Profession: <i>Offizier</i>		Confession: <i>orthodox</i>			
Prénom du père: <i>Simon</i>		Nom de famille <i>Panosikowa</i> de la mère:			
Etat civil: <i>ledig</i>		Enfants: <i>---</i>			
Adresse de la personne à prévenir		Nom: <i>Simon Aboda sch</i>			
Localité: <i>Irtischesk</i>		Dép.: <i>Pawlodoskaja</i>			
Rue: <i>Nabereschnaja</i>		No: <i>81</i>			
DÉTACHEMENT D'INTERNEMENT					
Date:	Dét. lieu:	Date:	Dét. lieu:		
<i>5.10.43</i>	<i>Passage de la frontière Gurtén-Kulm</i>	<i>Exeat</i>	<i>5.9.44</i>	<i>France</i>	
<i>17.12.43</i>	<i>Schwarzenburg</i>	<i>Ter. Kdo.</i>	<i>Jan</i>		
<i>8.6.44.</i>	<i>Bains de L'Alliaz</i>				
<i>27.6.44.</i>	<i>Arosa</i>				
<i>1.9.44.</i>	<i>Stalden</i>				
DIMINUTION DÉFINITIVE					

Илл. 3. Карточка интернированного Василия Абадаша. Источник: Schweizerisches Bundesarchiv.

Люблина – это почти девятьсот километров пути, – где он вступил в партизанский отряд Федько (Павла Ковалева)³⁴.

Уже знакомый нам старший лейтенант Ощепков (тот самый, который впервые бежал еще в мае 1942-го) при втором побеге провел в пути более двух месяцев и в августе 1943-го добрался до словацкого города Бардеёв. И вновь – почти девятьсот километров в дороге. В Словакии Ощепков присоединился к местным партизанам³⁵. Добравшиеся до партизан в лесах под Полоцком майоры Агапов и Никитин, с которых мы начали наш рассказ, преодолели на товарном поезде почти полторы тысячи километров за восемь дней (с учетом стоянок).

Но даже на этом фоне поразительных преодолений пространств Европы выделяется побег лейтенанта Василенко из рабочей команды 10089, трудившегося на заводе «MAN» в Нюрн-

34 Письмо начальника ОББ МВД ТАССР подполковника Опалева от 10 октября 1946 года. ЦГАГОУ. Ф. 166. Оп. 1. Д. 19. Л. 162–162 об.

35 Материалы, касающиеся побега старшего лейтенанта Ощепкова, здесь и далее цит. по его наградному листу: ЦАМО РФ. Ф. 33. О. 737292с. Д. 82. Л. 43.

бере. Ранним утром 4 мая 1943 года он бежал с четырьмя товарищами, одного из которых они потеряли почти сразу «при добыче пищи».

ОЛЕГ БЭЙДА,
ИГОРЬ ПЕТРОВ

ХОЛОДНОЕ ЛЕТО 1943-го...

«Шли по Германии только ночью. [...] Пройдя несколько дней, [...] мы решили, что нужно искать какой-либо транспорт. Решили, что можно ехать на велосипедах, так как их достать там легко. Достали два велосипеда. Мы ехали, чередуясь по два человека».

Через несколько дней вторая пара беглецов не прибыла к условленному месту встречи. Это были подполковник Петр Махура и лейтенант Яков Бандура³⁶. Согласно персональной карте второго, он был пойман почти через месяц после расставания с Василенко и водворен в шталаг 318 Ламсдорф в Силезии³⁷. Примерно тогда же был пойман и подполковник Махура – его ждал Аушвиц. Судя по месту поимки, оба двигались в северо-восточном направлении, в сторону Польши.

Василенко и его напарник – лейтенант Василий Меренков, – с которым он познакомился в карцере лагеря Хаммельбург, где отбывал наказание за прошлый побег, решили идти строго на восток, следуя в 70–80 километрах южнее Праги. Благодаря помощи местных жителей, им удалось обзавестись гражданской одеждой³⁸. Хотя Василенко упоминает, что они бросили велосипеды при переходе чешской границы, в Чехии, по всей видимости, им удалось раздобыть новые (по крайней мере в своем рассказе он пользуется глаголом «ехали»). Брно, который стал заколдованным конечным пунктом для многих других беглецов, они объехали в 25–30 километрах с севера и в гористой местности, в районе местечка Карловицы, перебрались на словацкую территорию.

«Шли по Словакии пешие. Шли возле мест [Битча], Жилина и, дойдя в район местечка Турчански-Свети-Мартин, в одном селе [...] мы поужинали у одного словака, и он нас в сарае уложил спать. Утром рано 11 июня 1943 года нас в этом сарае забрала словацкая жандармерия – их было три человека».

При допросе беглецы выдали себя за остарбайтеров, которых везли в Германию. Словацкие жандармы своей работой явно не

36 Интересно, что старшим группы, руководившим «в отношении питания и маршрута движения», был с общего согласия избран бежавший уже в третий раз Василенко. Впоследствии дознаватели СМЕРШа спрашивали, почему так получилось, если в побеге участвовал и старший по званию. Василенко ответил: «Подполковник бежал только первый раз и руководить не брался».

37 См. персональную карту Якова Бандуры (№ 15944) в картотеке военнопленных офицеров ЦАМО РФ. 22 июня Бандура был возвращен в Нюрнберг и 11 августа застрелен при попытке следующего побега.

38 Показания Василенко о том, как и где это случилось, разнятся. Сначала он рассказал, что одежду им принес встреченный в лесу старик, но позже уточнил, что произошло это на берегу реки Отавы, где беглецы натолкнулись на местных подпольщиков, выпускающих в землянке газету чехословацких коммунистов «Rudé právo». К сожалению, нам недоступны показания Василия Меренкова, которые могли бы помочь разрешить эту путаницу.

ОЛЕГ БЭЙДА,
ИГОРЬ ПЕТРОВ
ХОЛОДНОЕ ЛЕТО 1943-го...

«горели» и очевидно примерялись к туманному будущему: их интересовало, «хорошо ли жилось в СССР» и «кто выиграет войну», а также они заявили задержанным, что «плохого русским не хотят». Через несколько дней паре краскомов удалось бежать. 4 июля они пересекли словацко-польскую границу в районе села Калинов, а у Дрогобыча Василенко и Меренков сели на товарный поезд и доехали на нем до Львова. Дальше продолжили путь пешком и 15 июля пересекли старую советскую границу (по реке Збруч южнее Волочиска).

«[Прошли] Смелу в пятидесяти километрах южнее в Кировоградской области. [...] В конце июля 1943 года нас ловили полиция и староста, и мы разошлись в разные стороны и пошли самостоятельно. Я шел до Днепра и переправился севернее Чигирина на тридцать километров, пошел по Полтавской области и пришел в Опшмянский район Полтавской области 7 августа 1943 года».

Удачные побеги советских офицеров из лагерей XIII округа весной–осенью 1943 года (предварительные данные).

За три месяца Василенко прошел и проехал почти 2500 километров и вернулся в свою родную деревню с западной стороны ровно в тот момент, когда к ней с восточной стороны приближалась Красная армия. Уже 19 августа он оказался в расположении 27-й армии.

ФИО	Год рождения	Звание	Когда и откуда бежал	Когда и куда прибыл
Груздев Александр Михайлович	1909	капитан	7 марта 1943 года, рабочая команда 10405 (Вайдэн)	май 1943 года, Чернигово-Волынское партизанское соединение
Маруда Федор Ефимович	1916	младший лейтенант	7 марта 1943 года, рабочая команда 10405 (Вайдэн)	19 июля 1943 года, партизанский отряд имени Жукова (Брест, Белоруссия)
Андросов Александр Леонтьевич	1916	лейтенант	10 марта 1943 года, рабочая команда 10196 (Амберг)	лето 1943 года, партизанский отряд Федько (Люблин, Польша)
Дранишников Борис Дмитриевич	1919	лейтенант	12 апреля 1943 года, рабочая команда 10093 (Шнайтенбах)	20 июля 1943 года, партизанский отряд «Борцы за Советы» (Польша)
Писаренко Никифор Никифорович	1915	младший воентехник	апрель 1943 года, Нюрнберг	лето 1943 года, партизанский отряд (Чехия)
Василенко Дмитрий Павлович	1913	старший лейтенант	4 мая 1943 года, рабочая команда 10089 (Нюрнберг)	август 1943 года, перешел линию фронта
Меренков Василий Павлович	1918	лейтенант	4 мая 1943 года, рабочая команда 10089 (Нюрнберг)	август 1943 года, перешел линию фронта
Белозеров Алексей Анисимович	1917	младший лейтенант	5 мая 1943 года, рабочая команда 10405 (Вайдэн)	1 августа 1943 года, партизанское соединение Федорова (Польша)

ФИО	Год рождения	Звание	Когда и откуда бежал	Когда и куда прибыл
Агапов Григорий Васильевич	1904	майор	20 мая 1943 года, рабочая команда 10099 (Вюрцбург)	30 мая 1943 года, партизанская бригада имени Короткина (Полоцк, Белоруссия)
Никитин Василий Родионович	1909	майор	20 мая 1943 года, рабочая команда 10099 (Вюрцбург)	30 мая 1943 года, партизанская бригада имени Короткина (Полоцк, Белоруссия)
Шепелев Владимир Михайлович	1917	лейтенант	27 мая 1943 года (?)	15 июня 1943 года, партизанская бригада имени Сталина (Барановичи, Белоруссия)
Ощепков Степан Александрович	1911	старший лейтенант	1 июня 1943 года, рабочая команда 10706 (Бамберг)	август 1943 года, партизанский отряд (Бардеёв, Словакия)
Быков Анатолий Николаевич	1906	майор	29 июля 1943 года, рабочая команда 10208 (Херсбрук)	точные обстоятельства неизвестны, в марте 1944 года вернулся в действующую армию
Горбатенко Алексей Григорьевич	1909	капитан	10 августа 1943 года, рабочая команда 10028 (Обертраублинг)	февраль 1944 года, перешел линию фронта
Абадаш Василий Семенович	1919	лейтенант	10 августа 1943 года (?)	5 октября 1943 года, Швейцария
Елтанский Александр Дмитриевич	1918	лейтенант	10 августа 1943 года (?)	5 октября 1943 года, Швейцария
Зубенко Николай Семенович	1921	лейтенант	16 августа 1943 года, рабочая команда 10479 (Тиршенройт)	точные обстоятельства неизвестны, в августе 1944 года вернулся в действующую армию
Иваненко Александр Артемьевич	1904	интендант 3-го ранга	22 августа 1943 года, рабочая команда 10099 (Вюрцбург)	в начале 1944 года вернулся в действующую армию

После плена

Старший лейтенант Ощепков тоже свел знакомство со словацкими жандармами, но их встреча закончилась не столь счастливо, как в случае Василенко. С ноября 1943-го по май 1944 года он командовал партизанским отрядом под словацким Врановом, однако затем был снова пленен, передан немецкой стороне и заключен в концлагерь Маутхаузен. К счастью, Ощепков остался жив, а после фильтрации даже успел поработать переводчиком в СМЕРШе. Вернулись домой лейтенанты Корнилич, прошедший полтора года в концлагере Флоссенбург, и Шкурапет, отбывший почти два года в Аушвице и Бухенвальде. В этих концлагерях активную роль в подпольной организации играл

подполковник Махура³⁹, однако ему советский патриотизм в зачет не пошел: по возвращении в Советский Союз он был приговорен к десяти годам исправительно-трудовых лагерей.

«Десятку» за измену Родине в 1949 году получил и лейтенант Елтанский, реабилитированный только в 1957-м⁴⁰, а до этого успевший побывать в швейцарской тюрьме, откуда его выручал верный товарищ – лейтенант Абадаш⁴¹. Они оба с первой партией советских военнопленных (около восьмисот человек) в октябре 1944 года были отправлены через Марсель и Неаполь в Советский Союз. В швейцарской прессе было помещено прощальное письмо Абадаша, выдержанное в лирически-метафорическом ключе:

«Жизнь солдата – это долгое странствие. Сегодня – здесь, завтра – далеко, совсем в другом месте. Солдат напоминает корабль в бескрайнем море, не знающий о том, куда ведет его капитан. Солдат, который оторван от своего отечества, похож на обломок погибшего корабля, который по капризу чужой воли заброшен в чужую страну. Сейчас мне снова приходится покидать это место и гостеприимных хозяев. От всего сердца благодарю за оказанный мне теплый прием. Уезжая, я сохраняю наилучшие воспоминания. Надеюсь, что мы еще где-нибудь встретимся и поговорим, но при совершенно других обстоятельствах, вдалеке от войны и ее чудовищного воя, думая только о том, как можно все сделать лучше, чтобы все люди жили в достатке и могли радовать друг друга»⁴².

Пройдя фильтрацию, Василий Абадаш сам был назначен фильтрующим: он стал начальником штаба Харьковского военно-пересыльного пункта. Впрочем, уже в марте 1946 года он был уволен в запас и вернулся на родину, где работал техно-

39 См., в частности, письмо бывших фронтовиков, адресованное Илье Эренбургу: «Уважаемый товарищ Эренбург! После освобождения и приезда на Родину, оставшиеся в живых члены центра подпольной военно-политической организации концлагеря Освенцим (Аушвиц) – подполковник Петр Махура (командир 17-й гвардейской танковой дивизии), капитан, Герой Советского Союза Валентин Ситнов (командир 22-го гвардейского авиаполка АДД) и политрук Александр Лебедев решили вас скромно отблагодарить. В освенцимском и бухенвальдском подполье иногда приходилось при помощи наших немецких товарищей слушать радиопередачи из Москвы и Лондона. Несколько раз попадали отрывки ваших газетных статей. Как они помогли нам, поддерживали дух и совесть в самые тяжкие дни! В Бухенвальде ваша статья “Трепещи, Германия!” была переписана от руки и переведена на несколько языков. Она взбунтовала весь лагерь» (Из переписки И.Г. Эренбурга с фронтовиками-читателями // Советские писатели на фронтах Великой Отечественной войны. М.: Наука, 1966. Т. 78. Кн. 1. С. 615).

40 Книга Памяти жертв политических репрессий Воронежской области. Воронеж: Воронежская областная типография, 2022. Т. 5. С. 101. У нас нет сведений о том, что конкретно вменялось Махуре и Елтанскому.

41 См. его письмо от 19 июня 1944 года: «Перед самым отъездом нас из Шварценбурга Елтанский [...] напился и поскандалил с полицейским, который применил по отношению к нему силу, он погорячился, разложил перочинный нож и угрожал им полицейскому. Из этой истории получился большой скандал, о котором, я думаю, Вы уже знаете. Правда, поступок и сам факт безобразные, но здесь и страшного особенно ничего нет. Ведь с кем чего не может случиться, особенно в пьяном виде. [...] Елтанский довольно отсидел уже в тюрьме, [...] и я лично хочу просто взять его на свою ответственность и готов за все его поступки нести наказания сам».

42 *Die russischen Internierten in der Schweiz* // Der Bund. 1945. 13. Mai. № 219. S. 3. Перевод с немецкого наш.

логом в колхозе «Большевик» Иртышского района. Скончался в 1998 году.

Майоры Агапов и Никитин были переброшены из партизанского отряда в Москву, вернулись в действующую армию и воевали до конца войны, были награждены орденами и медалями⁴³. Лейтенант Белозеров остался в партизанском отряде, затем перешел к польским партизанам. Под именем Тадеуша Вишневого он принимал участие в арестах местного штаба «Армии Крайовой». Позже он рассказывал:

«В конце августа 1944 года ОКР СМЕРШ 5 гвардейской армии мне было приказано организовать органы госбезопасности в городе Кольбушев, в системе которых я проработал до 1 июня 1946 года. [...] Благодаря знанию польского языка никто не знал, что я русский».

Лейтенант Андросов в мае 1944 года перешел в отряд особого назначения Галицкого (Валентина Пелиха), выполнявший специальные задания Главного разведывательного управления Красной армии. В сентябре 1944-го, после соединения с регулярными частями отряд был расформирован, Андросов отправлен на фильтрацию в Подольск, а после ее прохождения – на японский фронт. Там отличился, за что был отмечен медалью «За боевые заслуги»:

«21 августа 1945 года на участке между городом Бейаньженем и Лунчженем с группой офицеров ликвидировал японскую террористическую группу (смертников), проявив при этом смелость, находчивость и отвагу. Лейтенант Андросов с пистолетом без патронов, забрасываемый гранатами, пленил двух японских офицеров из этой группы»⁴⁴.

Повторную проверку проходил в октябре 1946 году в Казани. В 1948-м был демобилизован; поселился сначала в Харькове, затем переехал в Уфу. В 1949-м поступил на уфимскую ТЭЦ инженером по оборудованию, а уже в 1952-м стал директором вновь образованного предприятия «Тепловые сети “Уфимэнерго”» (ныне ОАО «Башкирэнерго»), которым руководил четверть века⁴⁵. Умер Андросов в 2000 году.

Лейтенанта Василенко в декабре 1943 года доставили в спецлагерь № 174 НКВД в Подольске, где он встретился со своим товарищем по побегу Василием Меренковым, которому тоже

ОЛЕГ БЭЙДА,
ИГОРЬ ПЕТРОВ

ХОЛОДНОЕ ЛЕТО 1943-го...

⁴³ Наградные списки см в: ГАРФ. Ф. Р-7523. Оп. 4. Д. 276 «Г.В. Агапов»; ЦАМО РФ. Картотека награждений. Шкаф 62. Ящик 1 «В.Р. Никитин».

⁴⁴ Наградной лист А.Л. Андросова. ЦАМО РФ. Ф. 33. Оп. 687572. Д. 2650. Л. 118.

⁴⁵ Энергия созидания. Очерки из истории энергетической системы Республики Башкортостан / Под ред. Н.А. Курапова. Уфа: Скиф, 2007. С. 153, 156. История пленения, побега, равно как и полутора лет партизанской войны, в этой биографии отсутствует.

удалось добраться до своих. Контрразведчики подвергли их подробным допросам и, судя по всему, оказались не до конца удовлетворены полученными ответами⁴⁶. С июня 1944 года Василенко снова в действующей армии, воевал на 3-м Украинском фронте, чему предшествовало направление в штурмовой батальон (в самом раннем наградном листе он числится старшим сержантом). Впрочем, вскоре офицерское звание было восстановлено, и до конца войны Василенко был еще дважды награжден («умело руководя боем, стреляя в упор по танкам, отбил контратаку противника, сжег два танка, одну бронемашину и уничтожил десятки немцев»). Войну героический беглец закончил старшим лейтенантом⁴⁷. После войны вернулся в родную деревню и, будучи по образованию лесотехником, устроился работать в местное лесничество. В 1952 году чекисты опять вспомнили о Василенко и попросили снова уточнить детали побега, особенно его чешского этапа⁴⁸. Имело ли это какие-то последствия, из фильтрационного дела неясно. Что ясно, так это, что Дмитрий Василенко точно дожил до 1985 года, когда был награжден юбилейной медалью «40 лет Победы в Великой Отечественной войне».

Заново расспросить его товарища по побегу у чекистов возможности не было. Лейтенант Василий Меренков скончался 22 марта 1945 года от смертельных ранений, полученных в бою за венгерскую деревню Надъигманд⁴⁹.

46 Отдельные свидетельства Василенко на этих допросах несколько сомнительны. Например, он утверждает, что ему удалось сохранить в сапоге свое удостоверение личности (которое было изъято у него лишь при первом допросе в органах контрразведки 17-й стрелковой дивизии 18 августа 1943 года) – с учетом пленения, двух побегов и обысков это выглядит странно, как и история с чешской подпольной типографией. Но и версия, согласно которой Василенко был заброшен в советский тыл германской разведкой, тоже не выдерживает критики из-за бессмысленности подобной акции. Абвер был организацией прагматичной и на тот момент располагал достаточным количеством агентов у линии фронта и в разведшколах. Если бы с помощью Василенко и Меренкова немецкая разведка хотела передать какую-то дезинформацию, это могло бы теоретически стать поводом для подобной комбинации, но ни в объяснительной Василенко, ни в его допросе нет ничего, хоть как-то эту дезинформацию напоминающего. Разумеется, история о побеге протяженностью в 2000 километров лишь усиливает подозрения любого контрразведчика и в плане сочинения легенды совершенно избыточна. Укажем также, что побег подтверждается записью в персональной карте лейтенанта Бандуры.

47 См. наградные листы: ЦАМО РФ. Ф. 33. Оп. 690155. Д. 5920. Л. 20; Оп. 690306. Д. 1441. Л. 170; Оп. 690306. Д. 3369. Л. 144.

48 См. заметку «Подробное объяснение по поводу следования меня с немецкого плена по территории Чехословакии», имеющуюся в фильтрационном деле.

49 См. посмертный наградной лист Василия Меренкова, а также приказ главного управления кадров Министерства обороны об исключении из списков: ЦАМО РФ. Ф. 33. Оп. 690306. Д. 244. Л. 242; ЦАМО РФ. Оп. 11458. Д. 659. Л. 112.